

МАРИЯ АНТИПЕДА

КРЫЛАТЫЙ,

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИМЯ СВОЮ...!

18+

Мария Антипьева

Крылатый, уйми свою...!

«Автор»

2026

Антипьева М.

Крылатый, уйми свою...! / М. Антипьева — «Автор», 2026

Галинка — обычная, ничем не примечательная девчонка-сирота. Правда, с одним потрясающим талантом: постоянно влипать в какие-то неприятности. И вот, в один прекрасный (или не очень) день, при падении и упоминании рандомного набора слов, она случайно призывает Демона! Крылатого! И вместо того, чтобы спокойно забрать её душу в обмен на самое желание, ему приходится постоянно спасать девчонку. А это приводит к необратимым последствиям...

© Антипьева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация:	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Антипьева

Крылатый, уйми свою...!

Аннотация:

Галинка — обычная, ничем не примечательная девчонка-сирота. Правда, с одним потрясающим талантом: постоянно влипнуть в какие-то неприятности.

И вот, в один прекрасный (или не очень) день, при падении и упоминании рандомного набора слов, она случайно призывает... Демона! Крылатого!

И вместо того, чтобы спокойно забрать её душу в обмен на самое желание, ему приходится постоянно спасать девчонку...

А это приводит к необратимым последствиям...

Глава 1

— Галина! — заведующая библиотекой отрывает свой курпулентный зад от скрипучего стула и величаво его поднимает, выпрямляясь в полный рост.

Я вздрагиваю и поднимаю голову на рёв бизона. Голос у неё, как иерихонская труба.

— Да, Тамара Львовна, — мило улыбаюсь, заранее огорчаясь.

Чему — пока не ясно, но когда она обращается ко мне полным именем — ничего хорошего ждать не приходится. Тихо, про себя вздыхаю, гадая, что она опять придумает.

— Я уйду сейчас, и больше сегодня не вернусь. У меня дела, — в свою дамскую сумочку, больше напоминающую армейский вещмешок, она складывает какое-то барахло. — Ты остаёшься за главного, — она морщится недовольно, как будто на сколопендру наступила. — Никуда не лезь! Особенно в запретную секцию! — на этих словах я принимаю самый серьёзный вид, чтобы не рассмеяться.

«Запретная секция! Тоже мне, Гарри Поттер, блин!», — я свожу глаза к переносице, молча и согласно кивая.

«Запретной секцией» у нас в библиотеке назывались стеллажи в самом конце читального зала, где, по уверению Тамары Львовны, хранились старые фолианты. Очень дорогие и очень ценные.

И, по мнению Тамары Львовны, я обязательно должна была их порвать, сжечь, съесть и ещё каким либо образом, но обязательно испортить. А я всего лишь страсть, как люблю читать, и мне хотелось хоть одним глазком посмотреть, хоть одним пальчиком прикоснуться к старинности и древности. Если, конечно, заведующая не врала, как сивый мерин.

И я страсть как хотела туда попасть! Но всевидящее око заведующей охраняло их не хуже трехглавого Цербера.

— Как не хочется тебя оставлять тебя тут одну, — её лицо, больше похожее на шаньгу, перекошило, и оно стало похоже на портрет одной из любовниц Пабло Пикассо, запечатлённой на картине «Ле Репо».

Станный был дядька. Такие женщины красивые у него были, и он так их уродовал на своих полотнах.

Вообще, как мне кажется, его талант слишком уж переоценён. А люди, на публику искренне восхищающиеся его «талантом» — лицемеры, и не отличат вилку столовую от вилки для салата. Но, раз так принято, то будут восхищаться до усрачки.

А за сколько его картину наш русский бизнесмен купил, знаете?! За девяносто пять с лишним лямов евро!!

А за что?! Да лучше бы мне дали тысяч сто, мне бы хватило с лихвой! Но, проблемы холопов бояр не интересуют. А уж детдомовские вообще никому не нужны. Мы всегда третий сорт.

— Галина! Ты меня слушаешь, вообще?! — я вздрогнула от резкого окрика и поморщилась.

Ну есть у меня такое, когда меня ругают, тем более — ни за что, то я абстрагируюсь и улетаю в свои мысли. Оно как-то само так получается.

Тамара Львовна уже стояла в дверях и неприязненно на меня смотрела, сжав свои губы, намазанные перламутровой сиренево-фиолетовой помадой, в куриную гузку.

Вот из-за этих чёртовых губ, а точнее, помады, я и впала в немилость окончательно. Дурочка, я, добрейшей души человек, решила подсказать заведующей, ну, как женщина женщине, что ей эта мерзкая помада не идёт.

И я, бестолковка, сказала ей об этом. И теперь к автоматическому презрению по поводу того, что я детдомовка, добавилась неприязнь как соплячке-хамке.

— Да-да, Тамара Львовна, — закивала головой, как болванчик, — в запретную секцию не заходить, ничего не трогать, при уходе выключить свет, помыть полы и протереть влажной тряпкой столы, — перечислила я всё, что она по обыкновению валила на меня.

Хотя для этого у нас есть уборщица, но Тамара Львовна решила «сделать из меня человека» и привить мне любовь к труду.

Ведь в детском доме, по её мнению, дети живут припеваючи, ни в чём себе не отказывают, ни в чём не нуждаются и катаются, как сыр в масле, во всех удовольствиях и не знают цену вещам. А потому, относятся к вещам небрежно.

Тамара Львовна, окинув меня напоследок недовольным и презрительным взглядом, тяжело вздыхая, удалилась, а я в растерянности окинула взглядом читальный зал.

— Вау! — выдохнула поражённо я.

Впервые за весь год работы здесь я осталась тут одна. И было немного неуютно. Огромный зал, бесконечные пыльные стеллажи, убегающие в высоченный шестиметровый потолок, ряды пустых столов, солнечные лучи, упорно проникающие сквозь давно не мытые окна и гулкое эхо, разносившееся по залу от каждого шороха...

Всё это немного пугало.

— Тэ-э-экс, Галя, не ссы! И не такие шали рвали! — подбодрила я сама себя и ещё раз, и более вдумчиво огляделась.

Запретная секция манила, как голос сирен моряков. Как дудочка Нильса крыс. Как магнит металлическую ложку. В общем: при звуках флейты я теряю разум.

А стеллажи в самом конце зала пели тихой, неслышной человеческому уху завораживающей песней с неразборчивыми, но, я уверена, очень красивыми словами!

Схватив табличку «Влажная уборка на 15 минут!», я повесила её на гвозди с той стороны двери и захлопнула дверь. Несколько раз медленно вдохнув и выдохнув, осторожно ступая, как партизан во вражеском логове, я двинулась к запретной секции.

Когда я была уже близка к своей цели и оставалось только сделать поворот налево и войти между стеллажами, и я даже взялась рукой за край одного стеллажа, двери читального зала с грохотом распахнулись и раздался рёв:

— Га-а-ал-л-л-л-л-я-а-а-а!!!

Глава 2

«Мне конец!», — сверкнула молния в моём бестолковом мозжечке, я дёрнулась, подпрыгнула, зацепилась рукавом за стеллажную полку, и, нелепо махая второй рукой в поисках опоры, зажмурившись, стала заваливаться на пол, выдав какой-то нечленораздельный набор звуков, в которых упоминала и Бога, и чёрта, и вселенную, и чьих-то матерей...

Видимо, зацепившийся рукав не дал мне упасть слишком уж громко, и странным образом задержал моё падение. По логике, рухнуть я должна была куда более феерично и ощутимо, но как будто я сквозь синтепон падала.

«Уф, не убилась», — успела подумать прежде, чем приземлиться окончательно на пол, всё же жажнувшись затылком о паркетный пол.

Сам рукав не выдержал такого насилия над собой: с громким треском он разлетелся на кучу мелких тряпочек и остался висеть на железном уголке книжной полки, за который я и зацепилась.

Примерно там же болталась моя рука, надёжно закованная в манжет рукава, пока я рассматривала звёздочки перед глазами.

— Галя! — раздался знакомый голос.

Я с опаской чуть приоткрыла один глаз. Ко мне на всех парах неслась Еся — моя подружка. Округлив свои глазницы по максимуму, она, бросив свою сумку, подлетала ко мне на бреющем полёте.

— Ты жива? Что случилось? Ты так падала, я думала, убьёшься к фигам! — она присела, добежав до меня и сейчас встревоженно на меня смотрела. — Сколько пальцев! — рывкнула она на меня сверху вниз, растопыривая два пальца.

Я фыркнула. То же мне, Ай Болит, блин.

— Восемь, — буркнула я, шлёпнув её по руке.

— Галя! — грозно зыркнула на меня Еся.

— Да отстань ты, со мной всё в порядке, — ворчала я, дёргая рукой и пытаюсь отцепить её от полочки.

Есения, кинув оценивающий взгляд на мои потуги, не стала рефлексировать и просто рванула мою руку, схватив её за запястье. Снова раздался треск и манжет бодро разлетелся пополам, резанув мне кожу на запястье.

— Еся! Ты с ума сошла?! — взвыла я, растирая обожжённую нежную кожу.

— А чего? — пожала она плечами, поднимая меня с пола. — Твою рубашку уже не спасти, а так чего мучиться было?

— Это я *сейчас* буду мучиться, — шипела я, вставая, — на, смотри! — ткнула ей под нос обожжённым запястьем.

Жестоко разорванный рукав рубашки свисал с плеча живописными лохмотьями.

Еська виновато моргнула, но долго сокрушаться было не в её характере. Она сощурила глаза и с сосредоточенной моськой стала дуть мне на запястье, попутно завязывая бантик из остатков рукава.

Выглядела это так уморительно, что я не выдержала и расхохоталась.

— Еська, коза ты, — смеялась я, постанывая и отталкивая подругу от себя. — Чего ты так орёшь-то?! — тут же накинулась я на неё. — А если бы Урсула была здесь?! — так в своё время окрестила заведующую библиотекой Есения, и прозвище прилипло к ней, как банный лист к попе.

— Не была бы, я видела, как она уходила, — лыбилась Еська, — и как она тебя оставила-то? Ты же «дет-т-тдомовка!» — очень похоже передразнила она ведьму Урсулу.

И было бы обидно, но... Есения тоже была, как и я — детдомовка. В одном детдоме чалились. Просто мне не повезло — у нас воспиталка крыса была, а у Еси — огонь тётка! За своих воспитанников она могла порвать в лоскуты!

Её воспитанники обожали и в рот смотрели, пытаясь заслужить её похвалу. И наша... Эх, да что теперь вспоминать...

— Так звёзды сошлись, не иначе, — побряхтывая, ковыляла я до ближайшего стола, чтобы опустить свою попу на стул. — А ты чего тут делаешь? Какими судьбами?

— Галчонок! — состроила она умильную мордашу и сложила ладошки перед собой в просящем жесте.

— О-о-о-о-о! Началось, — закатила я глаза, шумно вздохнув и догадавшись, о чём сейчас пойдёт речь.

Есения была помешана на оборотнях всех видов и мастей, но больше всего её прибивало на волков, и она читала всё, что попадало ей в руки про этих чудовищ.

И вот сейчас...

— Ну дай мне что-нибудь новенькое, а? Ну пожалуйста, — канючила она, пританцовывая на одном месте, и её рыжие кудряшки весёлыми искорками пружинили вокруг её милой мордахи.

Мне не жалко было, но эта оборотнеманка реально перетаскала и перечитала всю литературу, которая была в нашей библиотеке.

— Да где я тебе возьму-то, Есь? — печально вздохнула я, разведя руки в стороны.

— Что? Ничего новенького не поступило? — не сдавалась она.

— Ну, это же не политические или спортивные новости — откуда им каждую неделю-то быть, новенькому?

— Эх... Ну, тогда давай... — начала она, но тут меня второй раз сильно ударило по затылку: мне в голову пришла фееричная по своей наглости и глупости идея.

— Стой! — перебила я подругу, подскакивая со стула.

— Стою, — послушно ответила она, с тревогой осматривая меня. — Сильно голова болит, да? — осведомилась сочувственно эта рыжая поганка, чуть не сделавшая меня калек и однозначно оставившая меня полуголой.

Пропустив эти слова мимо своих ушей, я оглянулась чуть назад — туда, где начиналась запретная секция.

Есения, несмотря на свой буйный нрав, шилопопие и периодически посещающие её дичайшие идеи о проведении нашего досуга — девушка очень серьёзная, ответственная, аккуратная.

Ну что будет, если она возьмёт, пусть и древнюю, книгу об оборотнях? Тихо возьмёт, почитает, и так же тихо вернёт. Урсула Львовна и не узнает, она в эти ряды стеллажей и не заходит.

— Пойдём, — позвала я подругу почему-то шёпотом и направилась между стеллажей.

Там, где я как раз зацепилась рукавом и рухнула. Почему-то хотелось именно сюда.

— Куда? — понизила голос Еся, недоумённо моргнула пару раз, но не сдвинулась с места.

— Туда, — уверенно ткнула я пальцем вглубь тёмного коридорчика.

— Так ты же сказала...

— Я сказала, — перебила я её, — что нового ничего не подвезли. Но, мне кажется, — сделала я театральную паузу и подняв вверх указательный палец, — что и из старого мы не всё посмотрели.

Есины глаза засверкали хищным огнём, соперничая по яркости с факелами средневековья в подземельях.

«Что?! — изумилась я сама своим же мыслям, — какие факелы, какое средневековье?! Откуда **это** в моей голове?? Права была Еся — я сильно ударилась головой. Надо на больничный» — я помотала головой, прогоняя эту дичь из неё.

Подруга уже стояла возле меня, крепко вцепившись в моё плечо обеими руками.

— Веди! — аж прохрипела от волнения.

— Веду, — кивнула я послушно и сделала три шага вперёд. — Всё.

— Что «всё»? — переспросила она, оглядываясь по сторонам и задирая голову наверх.

— Привела.

— Куда?

— Куда смогла. Дальше сама.

— Что сама? — опустила она голову и уставилась на меня своими зелёными глазищами.

— Всѣ сама.

— Галя!

— Еся!

— Ну Га-а-ля-а-а!

— Есь, ну тут мы не были. Точнее, Я не была, и книги тебе отсюда не таскала. Понимаешь, это у нас «запретная секция», — на этих словах подруга фыркнула, а я продолжила: — на столько запретная, что меня сюда даже пыль вытирать не пускают. Даже подметать. Даже проходить тут нельзя.

Еся с интересом окинула стеллажи с книгами взглядом.

— По словам Урсулы, тут жутко старые, жутко ценные, жутко дорогие книги, которые я обязательно испорчу. Думаю, тут можно найти что-то интересное. Но где конкретно — я понятия не имею. Теперь ясно?

— Те-е-е-ерь я-а-асно... — протянула она разочарованно, — а как мы искать-то будем?

— Ты как в книжных магазинах книги ищешь? — пыхтела я, уже таща огромную стрелянку.

— Галя, уймись, а? А то чую, ничем хорошим это не закончится.

— А вдруг тут книги, как призвать оборотня, а? — смотрела я на неё сквозь металлические перекладки бандуры.

Глаза стоящей напротив подруги свернули алчным огнём и она протянула свои дрожащие ручонки к стремянке.

— Давай уточним: я могу лазить где угодно?

— Можешь, — сдунула я прядь волос со своего лица, вручая ей громоздкую металлическую конструкцию, — но если ты испортишь книгу или убьёшься — под твою ответственность!

— Не испорчу! — Есения уже карабкалась по расставленной стремянке.

— Понятно, значит, вариант убиться тебя не пугает, — пробормотала я, за каким-то лядом протискиваясь между стремянкой и соседним стеллажом по совсем узенькому пространству.

Естественно, что с моим везением всё закончилось закономерно: я запнулась о ножку лестницы, схватилась за неё, чтобы не упасть, и с громкими воплями мы обе полетели вниз.

Если я падала недолго, то Есения с размаху плюхнулась на меня сверху, практически впечатав меня в пол и врезав мне чем-то твёрдым по лбу.

Вишенкой на торте, с ужасающим грохотом и лязгом, нас сверху накрыла стремянка.

Глава 3

— Га-аля-а-а, — прокряхтела она, когда всё стихло.

— Еся? — едва просипела я, хватая воздух ртом.

— Я... Даже... — спихивая стремянку со своей спины, Еська поднималась на ноги, что-то прижимая к своей груди, — не удивлена итогом. Ты просто ходячий косяк, Галя! Мужика тебе надо, чтобы направлял твою энергию в созидательно русло!

— А ты падающий, косяк... — простонала, переворачиваясь вниз лицом и вставая на четвереньки.

В голове всё гудело, шутка ли, сначала я ударилась затылком об пол, а сейчас мне Еся чем-то врезала по лбу.

Меня подхватили под мышки и помогли встать.

— Живая? — тяжело дышала она, пытаясь удержать меня в равновесии.

— Да вроде, — прошептала я, прислушиваясь к своим ощущениям. — Чем ты меня так отоварила, до сих пор гул в голове?

— А? А не знаю. Я, падая, схватилась за что-то, и так с этим и упала. Прости.

— Да ладно, — я уже выпрямилась в полный рост, — пошли, посмотрим, что ты там вырвала с корнем.

Мы обе подошли к большому прямоугольному нечто, обёрнутому в чёрную кожу, что она положила на край стола. Этим «нечто» оказалась, действительно, судя по её виду, старинная книга.

На обложке было тиснение, изображающее какого-то зверя.

— Волк! — восторженно выдохнула Еська, бережно беря фолиант в руки и прижимая его к груди. — Галя, там ВОЛК! Стопудово там что-то про оборотней! Дашь?! Я верну! — её глаза лихорадочно сверкали.

— Дам, — выдохнула я.

В конце концов — мы ведь именно за этим и пошли в эту часть книгохранилища. Предупреждать подругу о бережном обращении с книгой, о том, что вернуть её надо в целости и сохранности смысла не было — она и так это сделает, и без всяких предупреждений.

— Ты точно живая? — осведомилась она напоследок, уже явно развернув свои лыжи к выходу из библиотеки.

— Да точно, иди уже, зависимая, — хохотнула я, падая на стул.

Послав мне воздушный поцелуй, Есения резво скрылась за дверями библиотеки, а я осталась, размышляя о том, почему в моей жизни всё идёт через задницу.

Самое частое, что я слышала в детдоме, это было: «Симонова, уймись!» А я просто пыталась хоть как-то раскрасить своё унылое, серое и тоскливое существование.

Затылок пекло так, как будто к нему горячую кочергу приложили. Было ощущение, что кто-то сверлит меня взглядом. Злобным, бушующим, выходящим из берегов по силе эмоций... Так на меня смотрели в детском доме те, кому я научилась давать отпор. О! Они бушевали в бессильной злобе и **именно так** смотрели мне в спину. Я научилась ощущать **эти** взгляды своей кожей, сутью, энергетикой.

Но тут я была одна же. Да?

Я медленно оглянулась — одна.

— Точно к врачу надо, сотрясение у меня.

Оглядела место нашего с Сеником падения. Стремянка целая, книги разбросаны. Падая, она зацепила ещё несколько книг, которые валялись сейчас на полу. Всё не так критично.

— Так, — снова установила я конструкцию и пошатала её, — просто расставляю, никто и не узнает, что где стояло.

Древняя книга или нет — значения не имело. С книгами надо обращаться бережно, поэтому я собиралась воткнуть их по местам, по толщине между стоящими на полках книгами примерно определив — откуда какая книга выпала.

Странно, но я удивительно быстро смогла сориентироваться, как будто мне кто-то помогал, но нет, это я сама такая умница! Рассовав все книги по местам, я вытащила из подмышки последнюю и кинула на неё беглый взгляд.

— Ин... Инкан... Кант... Канта... Ментум.. — еле прочитала я едва заметную надпись на обложке. — Инкантаментум? И что это? — спросила я сама себя, усаживаясь не перила стремянки и раскрывая книгу наугад.

Страницы раскрылись, показав мне картинку чего-то неприятного. Какое-то насекомое, похожее на таракана с рогами. Весьма отдалённо, но это первое, что пришло мне на ум. Ну может в древности именно такими и были тараканы. Были же динозавры там всякие? Ну и вот...

— Фу, какая мерзость, — фыркнула, перелистывая страницу дальше, и словно бы волна жаркого воздуха, как из фена, прошла по моей спине.

Я повела плечами и продолжила листать дальше. Текст был, кажется, на латинском языке.

— А может... — я призадумалась, — стоит попробовать?

На картинке явно были изображены древние тараканы и прочая нечисть, и явно были заклинания от их изгнания. Ну кто в здравом уме призывать такое будет? Решено! Сейчас выучу одно заклинание, и пойду домой. И там проведу обряд изгнания всякой ползучей нечисти, что нет-нет, да и появлялась из-за соседей-алкашей.

— Омнис-мундус... Инфернали-диверсали... Все тараканы убеж... — договорить придуманную оконцовку я не успела.

Раздался хлопок, завоняло чем-то жжёным, рядом со мной полыхнул столб огня и...

— Я сплю. Я без сознания, такого просто не может быть, — ошалело бормотала я, выронив книгу и вцепившись двумя руками в перекладину стремянки.

Передо мной стоял ахренетительно роскошный мужик! Но самое невозможное было не это! То есть, сам факт появления здесь редкой красоты экземпляра мужеского пола и сам по себе был удивителен и невероятен, но... Но... Не считая весёленькой расцветки передника с рюшечками, он был ГОЛ!!!

Длинные мускулистые загорелые ноги, чуть расставленные на полу, красивыми линиями стремились от пола вверх и смыкались как раз почти под оборкой по низу фартучка. Я зажмурилась, боясь поднять взгляд выше.

Потому что карман на фартучке внушительно оттопыривался. Всё больше и больше, ещё чуть-чуть, и фартучек станет напоминать панамку!

Перескочив глазами опасное место, я вперила их, широко раскрытые, на лицо моего видения. Темноволосый, с растрёпанной причёской, тёмные, вразлёт брови, сверкающие, цвета еловой зелени, глаза, насмешливо на меня смотрящие.

Прямой нос, красивые, чётко очерченные губы изогнулись в ухмылке. Кстати, нижняя чуть больше — всё, как я и люблю.

«Бр-р! Галя! О чём ты думаешь?!» — потрясла я головой, пытаюсь прогнать галлюцинацию.

Потому что всё, что происходило после того, как Есения меня напугала и я рухнула затылком на пол — мне снится! Я в коме! Потому что этого не может быть!

То, чего не могло быть, стояло напротив меня, прислонившись плечом к стеллажу и поставив ногу за ногу. В руках у него было... У него было в руках... Венчик в чём-то белом и металлическая чашечка с чем-то вкусно-пахучим!

Практически голый, нереальный красавчик, собирающийся печь пирожки, появляется из ниоткуда в читальном зале библиотеки и... И... Машет крылами?!

За спиной этого видения красиво колыхались огромные чёрные крылья.

— Я в коме, я — в коме! — убеждала я себя, лихорадочно соображая, что мне делать.

Моё дважды ушибленное сознание подкинуло мне потрясающую идею! А, главное — логичную до безобразия!

Путём сотрясённых умозаключений я пришла к выводу, что надо откатить всё назад, а значит — мне надо лечь на пол, на то же место, куда я упала, напуганная Еськой.

Какая в этом логика? Да откуда я знаю! Но всё началось именно после того, как я открыла глаза после падения! Ну и вот, значит, надо лечь обратно и открыть глаза заново!

Найдя глазами место, где я лежала, я прицелилась, поерзала на перекладине стремянки, как курица на насесте, чуть пододвинулась, повернулась боком, зажмурилась, и под звуки сказочного бархатистого:

— Э-э-э-э, ты чего удумала, ненормальная?! — ухнула камнем вниз.

Глава 4

В третий раз ушибить свою бестолковую голову мне не удалось. Раздался металлический лязг, меня подхватили на руки, подкинули вверх, снова поймали и прижали к чему-то твёрдому, невероятно уютному, горячему, обжигающему запахом пудры, ванилина, перемешанного с густым, тягучим древесным ароматом. Как будто поленья в огне трещат, когда их ванильной присыпали.

Под ухом у меня что-то гулко стучало, как будто колотушка быстро-быстро стучит в туго натянутую на барабан кожу.

Непроизвольно вдохнув полной грудью, я сглотнула вязкую слюну и ещё крепче зажмурила глаза. Так не хотелось выплывать из этого сказочного сна, но лежать на полу без сознания — тоже такое себе удовольствие.

Я поёрзала и попыталась вылезти из уютных объятий.

— Очухалась? Я могу тебя отпускать? Или ты с карниза сиганёшь? — раздалось недовольное над макушкой. — Чем тебе так жизнь не мила?

— Мне мила, — буркнула возмущённо, — мне потому и надо вниз.

— Не понял... Какая связь? — меня продолжали крепко держать.

— Ну... Я без сознания, в коме, мне чудится всякая дичь.

— Дичь — это, так полагаю, я? — ехидством моего видения можно было затопить котлован под среднее морюшко.

— Конечно, — согласно кивнула я, снова начиная ёрзать.

— Ладно, с этим потом разберёмся. Связь, спрашиваю, какая, между милой тебе жизнью и падением с высоты?

— Ну-у... — запнулась, даже в горячечном бреде осознавая, какую глупость я сейчас сморожу, — мне надо лечь на то место, где я лежала, когда у меня начался бред.

— И-и-и? — меня, кажется, обнюхали.

«Он меня сожрёт? А интересно, может ли по-настоящему сожрать человека существо из бреда? А то ну вот проснусь я — а лицо обглодано, сердце надкусано, а печень посыпана приправами?»

— Ну и! — на этом мои аргументы закончились, и что сказать дальше, я не знала. — Отпусти! Я вернусь на то место, куда упала, приду в себя и всё будет хорошо. Ты исчезнешь!

Хмыкнув, моё болезненное воображение аккуратно поставило меня на ноги и придержало за плечи. Почувствовав под ногами пол, я резво улеглась на спину и закрыла глаза.

Судя по хмыку где-то сверху, явление в рюшевом переднике не исчезало и даже не собиралось.

Я лежала, явление стояло там где стояло, и ничего не происходило.

«А! — осенило меня, — Рука! Она же не там была!»

Я тут же задрала руку наверх и даже пальцем уцепилась за краешек полки, чтобы держать удобнее было.

— И как? Помогает? — с интересом поинтересовалось вышедшее за пределы моей воспалённой фантазии наваждение в рюшевом переднике, и никак не хотевшее запикиваться обратно!

Как можно проснуться, если во сне голое роскошество в переднике, едва прикрывающем сочленение ног воланчиком, да ещё и с крыльями за спиной?!

— Нет, — буркнула я, возвращая затёкшую руку обратно на пол. — Но вот если бы некоторые не мешались тут, то...

— Это я, что ли, некоторое? — возмутилось наваждение.

— Именно.

— Зачем тогда вызывала?

— Кого?! — я поперхнулась воздухом и резко села, схватившись за голову.

Перед глазами всё плыло и прыгало.

— Ну меня, раз я здесь, перед тобой стою.

— Я? Тебя? Вызывала? Да когда?! Я только и делала, что падала!

— Вот в первый раз, падая, ты произнесла на столько мудрёное заклятие призыва, что я даже штаны натянуть на себя не успел. Как был — в домашнем, так и явился.

Я напрягла память, хотя зря, перед глазами снова всё поплыло, но...

— Ты появился позже!

— Нет, это я проявился позже, пока ты ещё кого-то, пострашнее меня не призвала, дурында. Зачем тебе столько демонов? Планируешь мир завоевать? — с этими словами он развернулся ко мне спиной и пошёл поднимать свою мисочку и венчик.

Раскрыв рот и задержав дыхание, я смотрела на его упругую и крепкую, как орех, задницу, но момента, когда он стал наклоняться к полу, моя нежная психика не выдержала, и я крепко зажмурилась.

То, что я успела не увидеть, было для меня слишком даже в бредовом сне. К такому меня детдом не готовил...

— Открывай уже глаза, трусиха, — раздалось лениво-насмешливое.

— Нет, нет, нет, этого просто не может быть, — бормотала я себе под нос, прижав ладони к пылающим щекам.

— Чего не может быть?

— Я никого не призывала? Да это всё сказки!

— А я тогда как, по-твоему, здесь появился? — рядом со мной заколыхался воздух, меня обдало волной тепла и костяшки чьих-то пальцев аккуратно прочертили мне по скуле.

Нос снова обдало запахом сладостей, и мой рот заполонился слюнями.

— Я... Я не знаю, — я сглотнула, сделала над собой усилие, и открыла глаза.

Передо мной, на корточках, в одном переднике на голое тело сидел...

— А кто ты, как ты себя назвал?

— Я? Демон, — и, словно в подтверждение своих слов, он раскрыл свои роскошные, огромные мощные крылья. — Но не такой, как ты думаешь.

Я думаю? Я не думала! Как замороженная, я смотрела на них.

— Настоящие... — прошептала я. — Но как... Я не умею призывать, я же... Я же... Я же обычная, детдомовка! — нашла я самый козырный аргумент из всех.

— Ты произнесла заклятие, дважды.

— Да я падала, и с испугу что-то там брякнула! И второй раз я просто рассматривала, картинки и читала! Я вообще думала, что это древние заклятия для изгнания тараканов!

— Фантазия, у тебя, конечно, — цокнул он языком, покачав головой. — Повезло тараканам, что эти слова не для них предназначались, — улыбнулся, вставая и протягивая мне свою руку. — Поднимайся, — он потёр тыльной стороной ладони губы, что-то белое, видимо, пудра, попала ему в нос и он от души чихнул.

Вокруг мужчины тут же взвилось пламя, яркое, горячее, всё пожирающее вокруг себя, и тихо ойкнув, я отъехала в спасительное небытие...

Очнулась, когда на улице уже сгущались сумерки. В огромном и пустом зале библиотеки я лежала на полу в той же позе, как упала, когда Еся меня напугала. Даже манжет был по-прежнему зацеплен за металлический уголок полочки.

Рука затекла так, что упала камнем вниз, едва я ею пошевелила.

— Что это было, а? — вставала я на дрожащие ноги, опасливо оглядываясь.

Стремянка была на своём месте — в углу прохода между стеллажами. Книги стояли все на местах. Сени не было. Крылатого полуголого мужика в рюшах тоже не было.

— Мне... Всё приснилось?

Глава 5

Грум

Я стоял в трёх шагах от девушки, облокотившись плечом о стойку стеллажа, и задумчиво за ней наблюдал.

«Не похоже, что она обманывает. Кажется, она реально никого не вызвала. Она даже не верит в моё существование» — размышлял, покручивая в руке венчик, измазанный в яичном белке.

«Как же ей удалось меня призвать? Из Ада меня давно изгнали, чего я так долго и добивался. Там явно не моё место, я туда по ошибке попал. Вся моя сила со мной, зато свободы не в пример больше, а вот на призывы я могу не откликаться. Но тут...»

Я задумался, вспоминая, что же произошло.

В моей постели дрыхли без задних ног две цыпочки: нежная брюнетка и жаркая блондинка. Решив сделать девочкам приятное, я поплескался в душе, смывая с себя следы страстной ночи, и пошёл делать вафли с кремом из яичного белка и посыпанных сахарной пудрой — девочки заслужили.

Нацепив на себя передник, чтобы порадовать своих цыпочек при пробуждении и направить их мысли в нужное русло, я приступил к приготовлению десерта.

Когда уже всё было подготовлено к выпечке, меня шатнуло и дёрнуло в сторону вдруг зарябившего воздуха, где образовывался портал.

В принципе, я был мог и проигнорировать призыв — я же не чмо, ворующее души, но кончики перьев моих крыльев встопорщились и зазвенели, я аж зачесался весь.

Не раздумывая более ни секунды, я, минуя портал — это для слабаков, да и времени больше занимает, метнулся на зов и успел вовремя.

Та, которая меня призывала, летела головой вниз на паркет, а к ней бежала какая-то другая девица, с глазами размером с диск для метания.

Смягчив падение и аккуратно уложив одну, я удержал вторую, которая летела носом вперёд, и оставил их в покое, чтобы выяснить, что происходит.

Ор, рёв, визг, шум, гам, пыль столбом... И всё это дело рук, ног и голосовых связок всего двух бестолковых юниц.

То, что они обе бестолковые — это я понял чуть позже, когда скрывшись, наблюдал за ними. А тогда я был движим одной целью: не дать убиться той, что призвала меня.

Дальше всё пошло не по веками выработанному плану: меня никто не искал, заданий не давал, душу не продавал, золотых гор не обещал...

Этими двумя бестолковыми девицами была предпринята ещё одна попытка самоубиться, ещё одно спасение двух юниц, ещё немного подождать, когда же всё-таки про меня соизволят вспомнить.

Не дожидаясь, услышать попытку второго призыва, проявиться и... Оказаться плодом её галлюцинация! И это при том, что она вполне себе была здорова и бодрствующая!

Галинка наотрез отказывалась признавать реальность происходящего, обзывала меня фантазией и пыталась всё вернуть обратно.

А когда я чихнул, и вовсе упала в обморок. Подумаешь, огнём полыхнул. Ну так-то она и вызвала меня, огненного, так на что она рассчитывала? Что я в конфетти рассыплюсь?

Пришлось уложить её так, как она хотела, подцепить её руку, наложить сон на четыре часа, сгонять к себе, с огоньком трахнуть блондинку и брюнетку, выпроводить девиц, забыть одеться и так, в переднике, вернуться сюда.

Теперь вот стою, думаю, что делать дальше...

Галя находилась в некоей прострации, и то и дело прикладывала ладонь то к затылку, то ко лбу.

«Если бы я не успел, то при первом падении ты бы капитально расшибла бы себе голову, и сейчас точно бы находилась в реанимации, и не факт, что видела бы красивые сны» — я вздохнул, внимательно наблюдая за тем, как Галинка собирается домой...

Собравшись наконец, она напоследок окинула практически невидящим, рассеянным взглядом зал, и вышла за дверь.

Когда Галя отъехала после того, как я чихнул, я, всё сделав, решил полюбопытствовать, что она читала, пока не сверзилась со стремянки.

Поднял и посмотрел на книгу, которую она читала, когда пыталась разобрать заклятие на призыв демона и аж присвистнул.

— Гриму-уа-а-ар... Ты посмотри... И откуда он в вашей тухлой библиотеке-то взялся?? — мои брови ползли на лоб.

Действительно, рассматривала она картинку с отвратительными жуткими насекомыми.

Ну что тут скажешь — в древности демоны были менее избирательны, и превращались в вот такое реально противное нечто.

Да и я не тот демон, который зло, я, скорее... Я скорее могу быть разным. Но я точно не охотник за душами. Путаница в умах людей возникла давно, из-за их безграмотности, но мне это жить не мешало.

Таковыми нас и изображали художники того времени. Причём — изрядно приукрашивая. То есть — приустрашивая. Суть от этого не менялась: Галинка, если бы получилось, призвала бы настоящего отморозка.

Такие книги в мире на перечёт, и все хранятся под семью замками и никому не показываются, а тут...

— Книжечку я, однако, у вас экспроприрую, дамы. А то наворотите делов, — я аккуратно уложил её в пространственный карман и, пока моя фигова заклинательница-призывательница сладко сопела, наложил на кармашек семь кругов защиты. Мало ли...

Моя временная хозяйка засопела громче, зевнула, потянулась, уронила свою руку и, наконец, встала...

Растерянно обвела взглядом зал, где я уже успел навести порядок. Потрогала голову сзади, спереди... Болит, да, а ты как хотела? Я тебе не лекарь, я тут по другому поводу.

И вот сейчас она, совершенно потерянная, закрыла перед моим носом дверь, на замок. Ещё и ручку подёргала.

Тяжело вздохнув и держа венчик в одной руке как скипетр, и тарелку в другой, как державу, последовал за покачивающейся девушкой. Закрытая дверь меня не смущала, я просто прошёл сквозь неё.

Выйдя с голым задом в рюшечках за ней вслед из здания, и увидев, что она собирается куда-то «налево», рыкнул:

— Быстро домой пошла! Неуёмная!

Слышать она меня не слышала, как и не видела, но чуйка у неё сработала на десять баллов: вздрогнув, резко развернулась, и поспешила к остановке общественного транспорта, успев запрыгнуть в свой автобус.

Мне скучно было ехать в автобусе, но, несмотря на то, что я знал, где она живёт, трясся в этом ведре с болтами минут сорок. Как-то страшно было её оставлять одну, ушибленную на всю голову.

По пути эта коза пару раз пыталась куда-то свернуть, но каждый раз я давал ментального пинка, направляя её в нужном направлении — домой!

— Уймись уже, Галя! — простонал я, когда она, услышав какой-то писк, ринулась в канализационный люк.

Раздался звук падения, сдавленный мужской ох и тут же грозный рык:

— Симонова! Да когда же, ты, наконец, уймёшься? Что тебе понадобилось в канализационном люке-то?! — раздавалось с гулким эхом из недр колодца.

Послышался бубнёж девушки, что-то виновато и сбивчиво объясняющей, и дальше снова раздражённое мужское:

— Да чего с ним делается-то? Кошки живучи, и этот выживет. А не выживет, так невелика потеря!

Дальше снова Галинка, на повышенных, что-то кому-то объясняющая про милосердие и любовь к животным, и в следующую секунду из канализационного зева появилась её перепачканная моська.

Одной рукой она опиралась на край колодца, другой держала худое, мелкое, чумазое вонючее страшилище типа «котёнок». Помогать не стал, мне было интересно, как она вообще дожила до своих лет и как справлялась. Да и не за этим нас вызывают. Не за такого рода помощью.

Галинка пыхтела, ёрзала, подтягивалась на одной руке, но мелкое блохастое чудовище не выпускала из своей руки.

Видимо тот, кто был снизу, придал ей ускорение под зад, потому что она вылетела из люка, как пробка, растянувшись на асфальте.

Встала, отряхнулась, крикнула внутрь: «Спасибо!», и направилась напрямик домой.

Ура, свершилось.

В руках у неё дрожал и пищал страшнющий и полудохлый котёнок.

— Ма-а-аленький! А где твоя мамка? Бросила? Умерла? Собаки задрали? — причитала Галинка, пихая его к себе запазуху.

Я покачал головой, но был доволен: эта егоза теперь точно спешила к себе домой.

— Ну, теперь тебе будет, чем заняться долгими одинокими вечерами и выходными, я хоть отдохну от тебя. А то за половину дня успел устать от твоей придури, — я зевнул, глядя, как девушка сюсюкается с котёнком.

Да, я сидел у неё в маленькой, бедной, в каком-то раздолбанном деревянном бараке о трёх этажах, но уютной комнатке, которую она получила от государства и дремал, присматривая за ней одним глазом. И да — она была одинока. Даже парня не было, что меня не удивляло. Какая-то она несурзная, что ли...

Она меня не видела и не слышала. Зато котёнок чувствовал. Он шипел своим маленьким розовым ротиком в мою сторону, раздувался в смешной нелепый обмусоленный шарик, и выпускал свои маленькие ещё коготки, угрожая мне расправой.

— Ты сначала вырасти, недоразумение, потом угрожать будешь, — я дал ему щелчок по носу, и тот удрал с возмущённым писком под диван.

Галинка, закончив манипуляции, пробрела на крохотную кухню, включила газ в конфорке и поставила на неё кастрюлю с водой. Встала возле плиты и включила телефон.

Я закатил глаза: потерянное поколение! Ни минуты не могут провести без гаджета!

Она на столько увлеклась просмотром чего-то в телефоне, что не глядя, на автопилоте, засыпала в кастрюлю рис из пакета и накрыла её крышкой. Потом насыпала гречи, всё так же — не отлипая от экрана телефона.

Кастрюлька закипала, рис с гречкой разбухал, вот уже начало брызгать через край, но она как будто не видела.

Раздражённо вздохнув, я подошел к ней поближе, решив посмотреть, что её так заинтересовало, что она про плиту с варкой забыла. Я был зол и настроен был всыпать ей за такую небрежность, но увидев, что она смотрит в телефоне, немного растерялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.